

Т.А. Гридина

МЕНТАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В МАЛЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРАХ

Под ономастической игрой мы понимаем разновидность языковой игры, в основе которой лежит способность говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия. В этом контексте имя собственное предстает как элемент игрового ассоциативного поля с заданными интерпретатором параметрами. В смоделированном механизмами (приемами) языковой игры ассоциативном контексте восприятие онома «встраивается» в систему определенных ментальных ориентиров (ментальных координат), отражающих проекцию национально-культурной картины мира в сознании носителей языка. Принимая положение о когнитивной сущности процессов мотивации, считаем необходимым при исследовании мотивационных механизмов ономастической игры обратиться к ее интерпретационному аспекту, который опирается на фоновые знания номинатора, непосредственно в названии не эксплицированные, но необходимые для понимания того, что стоит «за кадром» мотивационного акта¹.

Ментальные ориентиры ономастической игры, следовательно, отражают то, что она коннотирует, будучи единицей употребления в данном социуме, в рамках культуры этноса. Этому способствует сама природа имени собственного, обладающего номинативной (денотативной) универсальностью, что позволяет рассматривать содержание онома как совокупность коннотативных сем, приобретаемых определенными типами имен в конкретных актах референции и в рамках собственной конкретному языку ономастической системы. В аспекте мотивации в процессах языковой игры несомненный интерес представляют антропонимы, которые из всех разрядов имен собственных в наибольшей степени «антропологичны» и, следовательно, несут в себе характерологические проекции, связанные с представлениями о потенциальных свойствах носителя имени. Такая характерологическая ментальная проекция осмысления антропонимов ярко проявляется в народной (разговорной, диалектной, фольклорной) традиции. В частности, использование игровых приемов характерологической мотивации антропонима весьма частотно в таких малых фольклорных жанрах, как скороговорка и частушка. Материалы для анализа ономастической игры в этих жанрах извлечены нами из опубликованных сборников частушек и скороговорок, а также из записей текстов, собранных в полевых условиях фольклорной и диалектологической экспедициями Уральского государственного педагогического университета.

Жанр скороговорки традиционно функционирует в сфере детского потешного фольклора, который в своей основе является игровым: сам текст скороговорки с ее усложненным звукопроизносительным кодом является полем для эффективного развертывания приемов ономастической игры, эксплуатирующей фоносемантический ассоциативный потенциал антропонима. Ср.: «Пришел *Прокоп* – кипел укроп, ушел *Прокоп* – кипел укроп. Как при *Прокопе* кипел укроп, так и без *Прокопа* кипел укроп» // «*Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет*» и т.п. Традиционный для скоро-

¹ См. об этом: *Скребицова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000 (по поводу «ментальных пространств» Ж. Фоконье).

говорки паронимастический код языковой игры основывается в данном случае на созвучии онома и апеллатива (*Прокоп – укрон, Клара – украла, Карл – украл*) или двух антропонимов (*Карл – Клара*), что создает эффект производительного «напряжения», преодоление которого вызывает психологическую разрядку, удовлетворение говорящего тем, что ему удалось справиться с подстроенной языковой «ловушкой». Однако то, что на первый взгляд кажется чисто формальным приемом использования антропонима в скороговорке, при анализе типовых ситуаций, отражаемых разными скороговорочными текстами, позволяет говорить о наличии пропозициональных оценочных установок, связанных с освоением личных имен собственных в народной (фольклорной) традиции.

Так, антропоним, часто являясь организующим формальным центром скороговорки, притягивающим к себе созвучные ассоциаты, вбирает в себя «наведенные контекстом» оценочные коннотации и становится ярлыком соответствующей ситуации (ср., например, возможное прецедентное употребление имен *Карл* и *Клара* по отношению к ситуации кражи); антропоним может становиться символом-характеристикой личностных черт своего потенциального носителя. Например, *Аверкий – «неумеха»* (ср. скороговорку: «Удружил *Аверкий*, да все *исковеркал*»), *Варвара – «воровка»* («У *Варвары* все в *карманах*»), *Егор(ка) – «неудачник»* («Про *горького Егорку* поют и песни *горьки*»), *Архип* и *Осип – «безголовые»* («*Архип охрип, Осип осип*») и т.п. Такие скороговорки сближаются по функции (по содержанию) с пословицами (многие из них приведены в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа») и закрепляются в сознании в виде фреймов, сигнализирующих о соотносительности антропонима с определенной оценочной позицией, заданной, в частности, устойчивыми скороговорочными и пословичными формулами, в которых имя употребляется. Таким образом, антропоним содержательно осваивается в народной (фольклорной) традиции через привязку к какой-либо типовой (чаще бытовой) ситуации, где он номинирует исполнителя действия, или как элемент суждения (сентенции), когда имя «заменяет» собой лицо, о котором идет речь. Когнитивная модель скороговорки с использованием имени собственного и паронимастической игры содержит знания о типовых оценках тех или иных действий, личностных качеств человека, проявляющихся в тех или иных ситуациях.

В скороговорочном тексте ассоциативное восприятие онома нередко моделируется по принципу намеренно ложной мотивации (зеркально отражающей принцип народно-этимологических сближений). Труднопроизносимый (при быстром темпе речи) звуко-ряд нередко создается сближением антропонима с апеллативами, представленными в тексте как ономастические дериваты (чаще всего членами таких словообразовательных пар становятся антропоним и «производные» от него глаголы): «Тетя *Женя* всех *заженил, переженил, выженил*» // «Тетя *Катя* всех *закатит, перекатит, выкатит*» и др. В подобных номинативных сериях встречаются глагольные дериваты, по форме омонимичные узуальным (но не соотносительные по смыслу с тем содержанием, которое придается им в скороговорочном тексте, ср.: *закатить, выкатить, перекатить* – от *катить*, а не от *Катя*), глаголы незуальные (созданные по существующим в языке моделям): *заженил, выженил* (в реальном функционировании, вне подобных игровых контекстов, не представленные и не соотносительные с антропонимом). Скороговорки этого «структурного» типа могут содержать и генетически родственные, но никогда не состоявшие в отношениях непосредственной производности антропонимы-существительные и глаголы: «Тетя *Люба* всех *залюбит, перелюбит, вылюбит*» // «Тетя *Вера* всех *заверит, переверит, выверит*» и т.п. Ср. обыгрывание антропонима *Мила* путем сближения с этимологически родственным *милый* и паронимом *мыла*: «*Милая Мила* *мылась мылом, помылилась, смыла*, так *мылась Мила*». Актуализация этимологиче-

ского значения «милая» у антропонима *Людмила* в уменьшительной форме и поддержка создаваемого образа паронимами *мыть, мыться, мыло*, содержащих коннотации «чистота, опрятность», определяют оценочный стереотип восприятия данного онома.

Ментальными ориентирами использования в скороговорке ономастической игры этого рода выступают стереотипы восприятия антропонима как мотивированного наименования¹. При этом скороговорка обыгрывает саму возможность приписать знакому имени (антропониму) функции «генерирования» определенного свойства, способности к какому-либо действию у лица – потенциального носителя имени. Поэтому, например, субъектом действия *пахать* потенциально является носитель имени *Паша*, субъектом действия *колоть* – *Коля*, субъектом действия *любить* – *Люба* и т.п. Эти антропонимические мотивационные стереотипы обыгрываются при моделировании сюжетного развертывания скороговорочного текста. Кстати сказать, сама типовая пропозитивная ситуация, лежащая в основе скороговорки, нередко представляется рядом однокоренных глаголов (чаще всего повторяющихся), последовательно описывающих действия, совершаемые субъектом (например, ситуация «неудачи», «не достигнутого результата действия» описывается скороговорками типа: «*Коля полы колотил-колотил, сколачивал, переколачивал, да не перевыколотил*» // «*Варвара варила, варила, да не выварила*»). Ср.: «*Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали*» и под., где антропоним в составе скороговорки отсутствует, но задействована та же модель. В подобных контекстах антропоним может приобрести дополнительные коннотации «неумеха», «лентяй» и т.п.

К ментальным ориентирам использования (восприятия) антропонима в жанре скороговорки можно отнести и обыгрывание коннотаций, связанных со структурным обликом личного имени собственного, который в русской языковой картине мира (в русском ономастиконе) оказывается маркированным такими оценками, как «официальное – неофициальное», «одобрительное – неодобрительное», «уменьшительно-ласкательное – фамильярное – грубое – уничижительное». Кроме того, в скороговорочном формальном коде нередко сталкиваются однокоренные имя и отчество, что также сообщает скороговорке, помимо собственно эффекта «труднопроизносимости», оценочную ориентацию, связанную с национально-культурным коннотативным потенциалом антропонима. Ср.: «*Два дровосека, два дровокола, два дворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену*» // «*Горкой, горкой, горочкой шел маленький Егорочка, протоптал Егорочка тропочку до горочки*» // «*На горке горько ревет Егорка*» // «*Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья про попа, про Прокопьевича*» и др. В последнем примере находит отражение народно-разговорная традиция употребления отчества вместо имени при подчеркивании близости, неофициальности отношений между коммуникантами. В скороговорках, задействующих имя *Егор* в вариантах *Егорочка* и *Егорка*, уменьшительно-ласкательная и уменьшительно-фамильярная фор-

¹ Тенденция к семантизации имени собственного проявляется, в частности в отыменных и отфамильных прозвищах, которые как бы вытягивают из антропонима ту информацию, которая «навязана» восприятию апеллятивной основы имени. При отсутствии реально осознаваемой апеллятивной основы у антропонима такая отыскивается на основе созвучия (чаще всего случайного). Ср.: *Дубасов – Дуб* (прозвище школьника, который «всех дубасит», «он сильнее других в классе», отсюда *Дуб*), *Домшакова – Домна* (прозвище девочки, которая часто болеет и поэтому «дома сидит»), *Ипполит Лукерчик – Ипполитр Лукерчик* (прозвище, намекающее на склонность носителя имени к употреблению алкоголя) и т.п. прозвища (примеры зафиксированы нами в разговорной речи).

мы антропонима сигнализируют о сочувственном отношении к носителю этого имени, закрепившегося в народной традиции в символическом смысле «горемыка, неудачник». Уменьшительная форма имен подчеркивает сниженно-разговорную экспрессию оценочного высказывания, заданную мотивационным контекстом

Мотивационные (парономастические) контексты закрепляют за антропонимом либо ситуативно значимую, либо типологическую оценочную характеристику. Например, в скороговорке «*Пекарь Петр пироги пек*» имя Петр явно подобрано по созвучию, но прецедент его содержательного наполнения в данном контексте может быть основанием для типизации его ономастической «семантики»; во всяком случае, появление у онама такой функциональной ориентации в текстах скороговорок вполне предсказуемо. Ср. типологически ориентированные характеристики, закрепленные за антропонимами в поговорках: «У *Левки* все ловко» // «*Мели Емеля* – твоя неделя», где имя Левка равнозначно «ловкий», а Емеля – значению «пустомеля, болтун». В скороговорках типа «*Иван-болван* молоко болтал, да не выболтал, распростоквасилося» представлен прием обыгрывания антропонима путем акцентирования коннотаций, выраженных не внутренней формой имени, а характерологическим устойчивым приложением (Иван-болван). Звукоряд скороговорочного текста задает ассоциативную связь между *болван* и *болтал*, не *выболтал*, которая вызывает в данном случае представление о ситуации безрезультатного действия. Само же использование в данном контексте имени *Иван* свидетельствует о тенденции осмысления этого онама в рамках ментального пространства, связанного с представлением о русском человеке как носителе определенных этнических черт: «безалаберный», «простоватый» (ср. Иван-дурак), «не умеющий выполнить, довести до конца даже простую работу». Отметим, что спектр характеристик русского человека колеблется от отрицательного к положительному полюсу оценки в очень широких пределах. Однако имя Иван как символ «русскости» («русский человек», «типичный представитель русского народа») в данном случае имеет отрицательную характеристику.

Можно отметить, таким образом, что фонетический и структурный облик антропонима в скороговорке является ассоциативным регулятором поиска созвучного «коррелята», определяющего его коннотативное наполнение, однако этот поиск обнаруживает и тенденцию к использованию антропонима как национально-культурного концепта¹. Ментальные ориентиры ономастической игры представляют когнитивную модель скороговорки в том ракурсе, который определен возможностью привязки имени собственного к отображению конкретной (чаще всего типовой) ситуации.

Спектр формальных приемов ономастической игры в скороговорке включает разные способы актуализации ситуативно обусловленного и типизированного значений антропонимов: 1) сближение созвучных лексем (антропонима и апеллиатива или нескольких антропонимов), создающее эффект «взаимообратимости» единиц скороговорочного текста. Например: «Один *Клим клин* колотил» // «Везет *Сенька* с *Санькой* *Соньку* на *санках*» // «Носит *Сеня* в *сени* сено, спать на *сене* будет *Сеня*». Обыгрывание паронимов *Клим* – *клин*, метаграммных пар *Сеня* – *сено*, *Сеня* – *сени*, *на сене*, *Сенька*, *Сонька*, *Санька* – *на санках* обуславливает ситуативное наложение ассоциатов. Имя *Клим* в данном контексте приобретает ситуативный смысл «тот, кто работает в одиночку», «тот,

¹ Вслед за Д.С. Лихачевым мы понимаем концепт как личностный коррелят понятия, как замещение понятия в сознании конкретного человека. Концепт объединяет субъективные и объективные знания реципиентов и обладает транслируемостью в различные системы образов, знаний, поведенческих стереотипов. Для реципиента актуальными могут быть различные компоненты концепта в зависимости от потребностей мотивационного характера деятельности (Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9).

кто выполняет несложную и, видимо, бесполезную работу». Сближение ассоциатов *Сенька, Санька, Сонька* – на санках каламбурно обыгрывает вполне реальную ситуацию, а коннотативный аспект восприятия созвучных имен собственных связан с окраской дружеской фамильярности, присущей уменьшительным формам антропонимов и содержит намек (импликатуру) «Сенька и Санька стараются доставить удовольствие (угодить) Соньке»; антропоним *Сеня* в скороговорке «*Носит Сеня сено...*» получает смысл «Сеня – тот, кто спит (обычно) в сенях на сене», отсюда один шаг до приписывания антропониму коннотаций «простой», «неприхотливый». В подобных контекстах личные имена собственные приобретают «закадровую» (имплицитную) коннотацию, связанную с оценкой представленных в высказываниях ситуаций; 2) актуализация в скороговорочном тексте «наведенной» созвучным апеллятивом устойчивой оценочной семантики антропонима: «Велика Федора, да *дура*» (данная оценочная семантика закреплена за антропонимом в фольклорной традиции) // «*Иди, Тит, молотить*» (Тит – буквально «тот, кто молотить не хочет, кого следует принуждать к работе, следовательно, *лентяй*») // «*У Егорки все горько*» (Егорка, Егор – «горемыка», «несчастливый»); чаще всего обыгрывание мотивировки антропонима имеет ложноэтимологический характер: «*Лена* искала булавку, а булавка упала под лавку, под лавку залезть было *лень*, искала булавку весь день» (ложноэтимологическое сближение *Лена* и *лень* актуализирует устойчивую «апеллятивную семантику» антропонима и придает скороговорке смысл «Лена – *лентяйка*»). Ср. поговорки, в которых она и апеллятив «взаимопредсказуемы» (связаны устойчивой ассоциацией), что определяет восприятие антропонима как отягощенного национально-культурной коннотацией: «*Соня*, не сиди *засоней*» // «*Зина*, не сиди *разиней*» // «*Какова Маланья*, таковы и *оладьи*» («Напекла *оладьев* как на *Маланьину* свадьбу» // «Напекли *Маланье оладьев*, а ей *неладно*»).

Можно говорить о двух типах когнитивных пропозиций, лежащих в основе скороговорки, построенной на ономастической игре: 1) онама (антропоним) включается в высказывание (скороговорочный текст) как компонент, вписанный в реальную (или квазиреальную) ситуацию и способный наполняться контекстуальной ситуативной конкретикой; 2) антропоним сам «прогнозирует» ситуативный и ассоциативно-оценочный контекст своей реализации.

В скороговорке ментальные ориентиры ономастической игры, хотя и имеют типологическую национально-культурную обусловленность, все же смещены в сторону ситуативной конкретики имени, так как выбор обыгрываемого антропонима зависит в первую очередь от формальных (фонетических и структурных) параметров, создающих труднопроизносимый звукоряд скороговорочного текста (ср.: «*Ткет ткач ткани на платье Тане*» // «Впрямь *Данило долбил*, да *вкривь* вошло *долбило*»). В частушке, на наш взгляд, в большей степени проявляется представление антропонима как национально-культурного концепта, хотя и для этого фольклорного жанра ситуативная конкретика имени весьма актуальна.

Частушка импровизационна, экспромптна, рассчитана на диалог со слушателем, на его ответную реакцию, но в то же время следует определенному сюжетно-тематическому и речевому (жанровому) канону. Это определяет ментальные приоритеты ономастической игры в частушке, связанные с актуализацией таких коннотирующих с онама (антропонимом) ассоциаций, в которых угадывался бы типологический смысл. Ментальное пространство частушки задает ракурс восприятия индивидуальной ситуации через призму отработанных социумом культурно-оценочных концептов (таких, как добро и зло, любовь и измена, трудолюбие и лень и др.). Оно-

мастическая (антропонимическая) игра в частушке соответствует прежде всего содержательным установкам этого жанра: антропоним мотивируется в соответствии с той прагматической целью, которая существенна для выполнения им функции характерологического замещения объекта оценки – называемого лица (реального или потенциального носителя имени). Отметим некоторые приемы такого обыгрывания характерологической семантики антропонима в частушке: 1) обыгрывание оценочной семантики личного имени собственного через отантропонимический дериват, созданный по образцу конкретного слова (апеллятива). Например: «*Шура, Шура, Шуристый*, Какой же ты *фигуристый*! Без лучины, без огня Зажег сердечко у меня». Ср.: «*Коля, Коля, Колистый*, Какой ты *разговористый*. Пока судачил да курил, Меня совсем уговорил». Окказиональный дериват *Шуристый* семантически идентифицируется с прилагательным *фигуристый*, что придает имени *Шура* ситуативный смысл «красивый, фигуристый парень». Отантропонимический дериват *Колистый* коррелирует с прилагательным *разговористый* (ср. узуальное *разговорчивый*, преобразованное в *разговористый* по одной из частотных моделей экспрессивного частушечного канона). Это придает антропониму *Коля* ситуативные оценочные коннотации «легкий, раскованный в общении, умеющий понравиться девушкам парень». Семантика игровых дериватов *шуристый* («видный», «с красивой фигурой»), *колистый* («общительный», «умеющий расположить к себе разговором») вписываются в ментальное пространство частушки, где данные свойства личности оцениваются как положительные (в контексте типовой ситуации выбора суженого/суженой); 2) обыгрывание внутренней формы антропонима, «приписывающей» носителю имени (реальному или потенциальному) определенные личностные свойства или склонность к определенному роду деятельности. Например: «Кто сказал, что дядя *Паша* В стороне от посевной? Дядя *Паша* тоже *пашет*... Носом землю у пивной». Первоначально антропоним актуализирует в данном контексте устойчивую ложноэтимологическую связь с глаголом *пахать* в значении «заниматься вспахиванием земли, подготовкой к севу», отсюда *Паша* «тот, кто пашет, работает, трудится»; опрокидывание этого смысла во второй строке частушечного текста создает эффект обманутого ожидания, сообщая антропониму значение «пьяница» (используется окказиональная фразема-эвфемизм «пашет землю у пивной»). Фоновый смысл глагола *пахать* «интенсивно трудиться, работать» (ср. экспрессивный просторечный синоним *вкалывать*) сообщает имени *Паша* коннотацию «отлынивающий от работы, тунеядец». Ср.: «*Коля, Коля дрова колет* Недалеко от реки. В кашемировой рубашечке, Три колечка на руке» // «*Коли, Коленька*, дрова. *Коли*, кудрява голова. Чурочки – на плашечки, У *Коли* нет милашечки». И в первом, и во втором частушечном контексте антропоним *Коля* традиционно ложноэтимологически мотивируется глаголом *колоть* «рубить дрова», что приписывает ему коннотации «работающий, трудолюбивый». Данная характеристика осмысливается как положительно оцениваемый ориентир ментального пространства ономастической игры. На уровне фоновой семантики имя *Коля* в данных контекстах получает коннотации «трудолюбивый, красивый, следовательно, достойный девичьей любви» (ср.: *У Коли нет милашечки* – намек на то, чтоб девушки обратили на него внимание; *У Коли три колечка на руке*, он в *кашемировой рубашечке* – характеристика *Коли* как красивого, видного парня).

Сюжетно-тематическое развертывание частушечного текста в соответствии ментальными ориентирами ономастической игры нередко определяется обыгрыванием коннотаций, сообщаемых антропониму связью с созвучным апеллятивом (как устойчивых, так и ситуативно заданных). Ср.: «Полюбила я его, *Тихонова Тихона*. А

в *тихом омуте* чертей До краев *напихано*». Антропоним *Тихон* в фольклорной традиции имеет коннотации «тихий, застенчивый» (ср., например, загадку: «*Тишенька* лучше *Машеньки*», имеющую смысл «скромность лучше нахальства» и построенную на мотивации *Тишенька* связью с *тихий* «скромный», а *Машенька* – с *машисто, размашисто* – В.И. Даль). В частушке подобное направление ассоциирования подкреплено тавтологией (*Тихонов Тихон*), акцентирующей внутреннюю форму антропонима. Включение в текст аллюзивного компонента «В *тихом омуте* чертей До краев *напихано*» (ср.: в *тихом омуте черти водятся*) создает эффект ассоциативного контраста между изначально заданной и финальной (наведенной контекстом) характеристиками частушечного персонажа.

Частушка нередко моделирует свой код ложноэтимологической мотивации антропонимов, который придает им функции оценочных маркеров определенной ситуации, отображаемой в частушке («*Эх, лук, лук, лук, Зеленые перья, Тебя любит Акулина, А меня Лукерья*»). Устанавливаемая в данном контексте мотивационная связь между лексемами *лук* (с коннотацией «горький») и *Лукерья* «актуализирует ассоциативную параллель, связанную с представлением любви Акулины как счастливой, приносящей радость, а любви Лукерьи как любви горькой (от которой плачут)»¹.

Частушка может задавать неожиданный, парадоксальный ракурс мотивации антропонима, ориентируясь на соответствующую прагматическую установку текста (например, создание иронического подтекста, связанного с оценкой описываемой ситуации). Ср.: «*Катя кохвий* попивала И с *Прокохвием* гуляла. Катя, Катя, Катенька, Отчего брюхатенька? Ой, то ли от *кохвию*, а то ли от *Прокохвию*». В ментальном пространстве частушки «принято» высказываться не прямо, а намеком. В данном случае ономастическая игра соединяет в форме антропонима *Прокохвий* (имитация произношения имени в просторечно-диалектной среде) шутивное (эвфемистическое) объяснение причины беременности Кати (*от кохвию*) и намек на истинную причину (*от Прокохвию*).

В целом можно отметить, что ментальными ориентирами ономастической игры в малых фольклорных жанрах (в частности, в частушке и скороговорке) выступают те способы «мотивации» (актуализации коннотата) антропонима, которые вводят его в ранг прецедентного имени, сигнализирующего о национально-культурных стереотипах поведения человека в определенных типовых ситуациях и принятых в рамках русской народной культуры оценках внешних и внутренних качеств человека и способах их иносказательного (с установкой на шутку) представления.

¹ Данный пример, на наш взгляд, вполне убедительно интерпретирован И.Л. Муль – см.: *Муль И.Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах (на материале скороговорки и частушки): Дис. ... канд. филол. наук.* Екатеринбург, 2000. С.152.